

УДК 94:323.329(470/71)''1920/1930''(045)

О.А. Хабибрахманова

СИСТЕМА РАСПОЗНАВАНИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В 1920–1930-е годы: ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В статье рассматривается проблема социально-культурных трансформаций научной интеллигенции в 1920–1930-х гг. С целью изучить изменения идентичности научной интеллигенции, рассматриваются сложнейшие процессы реконфигурации социально-профессионального пространства. На примере изменения социально-профессиональных практик научной диаспоры, реконструирована система представлений научной интеллигенции о «своих» и «чужих». Доказана вся неоднозначность социально-культурных преобразований, в которых ведущая роль принадлежит не только и не столько властным структурам, но значительную роль в преобразовании социальной реальности необходимо отводить научной интеллигенции как активному субъекту названных преобразований. Изменение социокультурных кодов, санкционированных советской властью и самими учеными, повлекли за собой процессы новой идентичности и новых представлений в системе распознавания «свой» – «чужой».

Ключевые слова: научная интеллигенция, повседневные практики, профессиональное пространство, Казанский университет, научная работа.

В один из сложнейших периодов истории России (1920–1930-е гг.) в жизни общества происходит всеобъемлющий социальный переворот. Картина мира научной интеллигенции, как одного из элементов менталитета, подвергалась мощной атаке со стороны советской власти и постепенно менялась.

Трансляцию меняющейся ментальности научной интеллигенции можно наблюдать в повседневных практиках. В данном случае менталитет рассматривается как социокультурная система, имеющая систему кодов распознавания «свой» – «чужой», используемых научной интеллигенцией в повседневных практиках. Историко-системный подход позволил в максимальной степени раскрыть особенности изучаемого периода и выявить степень участия научной интеллигенции в социокультурных трансформациях 1920–1930-х гг.

Рефлексии научной интеллигенции, связанные с практиками распознавания «свой» – «чужой», нечасто встречаются в архивных документах того времени. Этот факт можно связать в первую очередь с нежеланием научной интеллигенции выказывать свое истинное лицо в силу обстоятельств, продиктованных особенностями того времени. В первую очередь потому, что материальное благополучие ученых и их семей ставилось в прямую зависимость от их лояльности к советской власти. Во-вторых, желание сохранить монолитность своих рядов вынуждало ученых действовать «как надо» согласно советским инструкциям и правилам, а не как того желали сами ученые.

В данном контексте изучение повседневного пространства научной интеллигенции позволяет дать более полную информацию об изменении идентичности и представлений научной интеллигенции о «своих» – «чужих». Пространство повседневности оценивается, прежде всего, как возможность и качество удовлетворения ежедневных жизненных и духовных потребностей человека. Научная работа, преданность профессии, широта и разносторонность взглядов, высокая работоспособность были отличительными чертами дореволюционного ученого. Они остались основополагающими в определении «своих» и в пост революционный период.

Д. Я. Мартынов, вспоминая свои аспирантские годы, писал о незаурядных способностях Н. Г. Четаева: «Николай Гурьевич Четаев был человеком широкого кругозора и выдающихся способностей. У него был своеобразный стиль работы – днем, главным образом после обеда, он ходил, как будто бездельничая, ночь напролет работал, а до обеда спал». Далее аспирант отметил: «Столь необычный образ жизни нисколько ни мешал Николаю Гурьевичу быть всегда веселым и жизнерадостным – у него был завидный румянец на щеках. Говорил он тихо, почти полупшепотом, доверительно к собеседнику» [5. С. 64–65]. А. Д. Дубяго в 1930 г. с восхищением писал: «Николай Гурьевич, основываясь на одной малоизвестной теореме Ляпунова, вывел волновое уравнение Шредингера, очень популярное в то время. Пройти к физике с позиций чистой химии – конечно, незаурядное дело!» [5. С. 64–65].

Дочь профессора, директора Казанского государственного университета Н. Б.-З. Векслина Г. Б. Тарасова-Векслин вспоминает об отце как о «полиглоте». «Ему очень легко давалось знание

языков. Греческий, латинский, французский – это осталось с гимназических времен. Знал и английский язык, переводил научные труды. Знал испанский... Владел и своим родным еврейским языком, прекрасно знал русский, украинский языки, разговаривал на языках народов Поволжья» [6. С. 77]. «Отец помниться мне как человек, который умел все. Он мог заняться лепкой из глины, песка, неплохо рисовал» [6. С. 77].

Дочь А. Я. Богородского вспоминает о разносторонности и широте взглядов отца: «С большим увлечением отец занимался радиотехникой – собирал радиоприемники, собственноручно делал заготовки для катушек, наматывал провода на них, паял, эти катушки были разной формы и все собственной конструкции». «У нас была очень большая коллекция кактусов и других цветов, папа с большим увлечением занимался ими» [1. КП. 1874. Д. 204. Л. 2].

Повседневная реальность дореволюционного профессора подчинялась привычному порядку, основанному на преданности и беззаветному служению науке, на огромной работоспособности. «Он никогда не отдыхал. Жил при кабинете. Уходил только с 3 до 5 часов на обед, да иногда отдыхал с 5 часов вечера до 7, а там снова до глубокой ночи работал. Бывало, уходишь из кабинета в двенадцатом часу ночи и слышишь его там. И с утра он снова там же» – вспоминала студентка А. Попова о своем учителе профессоре Ноинском Михаиле Эдуардовиче [1. П. 1954/1. Д. 573. Л. 3]. Ия Алексеевна Богородская, дочь профессора А. Я. Богородского вспоминает, что отец много работал: «Утром уходил на работу, приходил к обеду... Затем шел в институт и возвращался иногда очень поздно» [1. П. 1874. Д. 204. Л. 1].

Из воспоминаний дочери Н. Б.-З. Векслина, Галины Тарасовой-Векслин: «Вечерами, когда папа садился за работу, в доме все затихало. [...] Напряженный ритм жизни с шестнадцатичасовым рабочим днем отец выдерживал благодаря чрезвычайной собранности, строгой самодисциплине, четкой организованности» [6. С. 79]. Дочь вспоминает сохранившуюся тетрадь профессора, где он по часам расписывал, что предстояло сделать каждый день [6. С. 79]. Сохранить привычный порядок повседневной жизни оказалось весьма непросто в период социальной ломки. Повседневный ритм научной и преподавательской деятельности. Это обстоятельство стало еще одним кодом распознавания «свой» – «чужой». «Своими» стали приверженцы старого распорядка дня, удовлетворяющего потребности ученого в научной и преподавательской работе.

Навязываемый властью новый ритм жизни, основанный на других ценностях, шел в разрез с привычным укладом жизни ученых. Профессор А. Я. Богородский, сетуя на бесполезность проведенного времени, в своих письмах дочери писал: «Из дома вышел в 8 ½ в институт, а к 3 переселился в университет на производственное совещание. И добро бы делал что-то химическое (таковым была только лекция с 9–11 часов) – нет, все разговоры и с одним и с другим, третьим... пятым... десятым и так провел я в бесплодной болтовне в упомянутом совещании» [1. КП. 1865/1. Д. 188. Л. 24]. Профессор с негодованием пишет: «Надеялся на больший порядок, вернее на меньшую помеху к его поддержанию и укреплению» – явно указывая на помехи, чинимые, по мнению профессора, советской администрацией [1. КП. 1865/1. Д. 188. Л. 27].

Ученые ищут новые сценарии поведения. Вот как о своей работе в Химико-технологическом институте пишет профессор А. Я. Богородский: «Верчусь, как 70-летняя белка в колесе учебно-административного бурана, да отбрыкиваюсь от манер учебной части превращать профессоров в своих учебных секретарей и писарей по бесплатному совместительству» [1. КП. 1865/1. Д. 188. Л. 30]. В 1938 г. А. Я. Богородский, не сдерживая раздражения, явно сознавая, что он «чужой» в предлагаемой обстановке, напишет: «Чудесно, что я имею теперь полную возможность к весне, в крайнем случае, к сентябрю закончить в университете весь цикл, покинуть его. Он в своем наркомпросовском виде надоел мне до безумия, своими неувязками и лихорадочным формализмом с полным презрением не только диалектики, но и здравого смысла» [1. КП. 1865/1. Д. 188. Л. 30].

Между тем, отметим и тот факт, что научная интеллигенция, отстраняясь от «чужих» практик, могла быть не столь категорична в отношении советской власти. Вот как расценивает состояние науки в университете А. Я. Богородский: «Снова поднимать науку, упущенную за дикое время хозяйства багаутдиновцев и других подобных антисоветских негодяев...» [1. КП. 1865/1. Д. 188. Л. 31]. Таким образом, профессор, отгораживаясь от советских форм организации научной работы и преподавания, стараясь отделить идеологию от науки, идет на компромисс. Ученый, в надежде на сохранение дореволюционных форм организации науки и учебной деятельности, он полагает, что необходимо гармонизировать отношения с окружающими людьми и средой в целом.

В 1920-е гг. создается ряд научных кружков и сообществ, главная цель которых заключалась в поиске новых путей в науке и возможности собрать «своих» в некие научные организации. В стенах Казанского университета по инициативе группы ученых возникло научное общество «Ассоциация общественных наук». Первоначально она создавалась как студенческий кружок. На заседаниях кружка обсуждались вопросы развития философии, социологии и психологии в новых условиях. «Ассоциация» имела свое печатное издание, сборники которого выходили на протяжении 1921–1922 гг. Авторами работ, публиковавшихся в сборнике, были такие впоследствии видные ученые, как историк М. В. Нечкина, нейропсихолог А. Р. Лурия. Именно А. Р. Лурия был одним из первых студентов Факультета общественных наук (ФОН) и одним из организаторов «Ассоциации общественных наук» [3. С. 169]. Просуществовала она недолго. Созданная в противовес советским сообществам, ассоциация была создана несанкционированно, а потому не имела права на существование в директивном обществе.

Не меньший исследовательский интерес вызывает и создание научной интеллигенцией группы так называемой «красной профессуры». Еще одна поведенческая стратегия, направленная на выделение «своих» ученых и сохранение научных знаний, научного потенциала в новых условиях. Так, в Москве, на Всероссийской конференции высших школ, представители «красной профессуры» заявили, что диктатура пролетариата, осуществляемая в советской России, впервые в истории создает условия для свободного развития науки и широкого использования ее достижений в интересах всего общества [4. С. 314]. Очень скоро настроения столичной профессуры были подхвачены и казанскими учеными. В архивах сохранились документы о деятельности Казанской группы «красной профессуры». Согласно отчетам о деятельности ячейки РКП(б) при Казанском университете «в группу Красных научных сотрудников входил 41 чел., из них – 7 коммунистов. Кроме того, 24 чел. из них – те, которые оставлены при университете в 1923 г. и 17 чел. прежних лет» [2. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 73]. На заседаниях бюро группы обсуждались пути дальнейшего развития науки, ставились проблемы привлечения возможно больших кругов научных работников. «Для этого не противопоставлять группу красных научных работников остальным научным работникам и завоевать их изнутри...» [2. Ф. 644. Оп. 1. Д. 95. Л. 92]. Опираясь на прежде полученные профессиональные знания и опыт, и обретя (как они полагали), свободомыслие, ученые пытались найти пути развития образования и науки в новых условиях. В работе красных научных сотрудников принимали участие такие известные ученые М. К. Корбут, М. В. Нечкина, В. Б. Бродовский, М. И. Аксянцев и др. [2. Ф. 644. Оп. 1. Д. 95. Л. 92]. Взгляды на пути развития советской науки оказались диаметрально противоположными у советских функционеров и группы «красной профессуры». Поскольку, уже через два месяца, в центре, было доложено о работе группы «красной профессуры» в Казани и вынесено постановление о ее немедленной ликвидации [2. Ф. 644. Оп. 1. Д. 132. Л. 10]. Председатель казанской Секции научных работников Г. Б. Гермаидзе в своем докладе на одном из заседаний отчитался: «Вопрос о группе красных научных сотрудников: можно считать ликвидированной» [2. Ф. 644. Оп. 1. Д. 132. Л. 10об]. Научная интеллигенция, налаживая работу новой научной организации, пыталась импортировать дореволюционные профессиональные практики в советское социальное пространство. Состав казанской «красной профессуры» подтверждает эту мысль, поскольку большинство членов группы были воспитаны дореволюционной высшей школой, были «своими». Попытки создать собственные научные сообщества были пресечены, но и признавать «своими» советские формы организации науки ученые не спешили. Уже в 1932 г. профессор А. Н. Миславский, выражая недовольство организацией научной деятельности, на одном из совещаний говорит: «Я четвертый год принадлежу к одной ассоциации – союзному физмату, я ни на одном заседании не слышал научного доклада, где была бы живая мысль» [2. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1734. Л. 57].

Приоритет научной работы для дореволюционного ученого был незыблем. Однако социально-политические изменения требовали иных ориентиров. В привычный ритм жизни ученого должна была прочно войти общественная деятельность. Не все профессора и преподаватели с энтузиазмом взялись выполнять общественные поручения и менять свой распорядок дня ради абсолютно «чуждых» занятий. Негативное отношение части научной интеллигенции к общественной деятельности разделило профессорско-преподавательскую корпорацию. Так, профессор Д. Я. Богородский, вынужденный по долгу службы регулярно посещать различные совещания в Казанском университете, не без сарказма пишет об их ненужности: «Ужасно досадно, желудок, наполненный какой-нибудь безобразной смесью, немедленно ее извергает, а мозги не могут этого сделать, по крайней мере, с такой же быстротой» [1. КП. 1865/1. Д. 188. Л. 18]. Профессор А. Н. Миславский на одном из совещаний Ко-

миссии содействия ученым в своем выступлении довольно ясно дал понять, кто для него является «своим» и кто «чужим». Он критиковал чрезмерную занятость ученых, говорил о резком снижении продуктивности научной работы, помехой для которой стали «разного рода нагрузки». Далее профессор констатирует, что «на этой почве возникло представление, что лучше неважно владеть своим предметом, но лучше зарекомендовать себя на общественной работе и тогда удастся продвинуться». Профессор отделял себя от таких ученых, подчеркивая их «чуждость», и говорил, что многое из общественной работы он таковой не считает, а те, что «выдвигаются как общественные работники, рассчитывают часто продвинуться вперед скорее, чем упорным трудом в лаборатории» [2. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1734. Л. 57].

Таким образом, профессиональная сфера, как часть повседневного пространства научной интеллигенции, стала важной частью в деле сохранения и формирования новых идентичностей и складывания новых ментальных конструкций. Повседневное пространство искажалось и обретало иную структуру, не только ввиду действия новых властей, но и благодаря новым практикам и идентификационным кодам, которые складывались в системе «свой» – «чужой».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Музей истории Казанского государственного университета (МИ КГУ).
2. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ).
3. Бикташева А. Н. Вместо императорского – государственный // Очерки истории Казанского университета. Казань. 2002.
4. Корбут М. К. Казанский государственный университет имени В. И. Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30. Казань, 1930. Т. 2.
5. Писарева С. В. Казанский университет и мои сверстники в 1927–1932 годах. Из воспоминаний «Полвека у телескопа» // Казань. 2006. № 3.
6. Тарасова-Векслин Г. Добрые люди, спасибо! // Казань. 2007. № 4.

Поступила в редакцию 16.11.16

O.A. Khabibrakhmanova

SYSTEM OF RECOGNITION OF “INSIDERS AND STRANGERS” IN THE 1920s AND 1930s: DISTORTION OF CODES IN PROFESSIONAL SPACE OF SCIENTIFIC INTELLIGENTSIA

The article is concerned with the problem of social and cultural transformations of scientific intelligentsia in the 1920s and 1930s. With the purpose to study changes in the identity of scientific intelligentsia, the processes of reconfiguration of social and professional space are considered. The system of notions of scientific intelligentsia about insiders and strangers is reconstructed by considering, as an example, changes in the social and professional practices of the scientific diaspora. All ambiguity of social and cultural transformations is proved in which the leading role is played not only, and not so much, by power structures, but also by scientific intelligentsia as an active subject of the named transformations, who play a significant role in the transformation of social reality. Changes in social and cultural codes authorized by the Soviet authorities and scientists entailed processes of development of a new identity and new notions in the system of recognition of “insiders and strangers”.

Keywords: scientific intelligentsia, daily practice, professional space, Kazan University, scientific work.

Хабибрахманова Ольга Аркадьевна,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий
кафедрой философии и гуманитарных дисциплин

ЧОУ ВО «Институт социальных и гуманитарных знаний»
420034, Россия, г. Казань, ул. Профсоюзная, 12
E-mail: olgaah@yandex.ru

Khabibrakhmanova O.A.,
Candidate of History, Associate Professor,
Head at the Department of Philosophy and Humanities

Institute of Social and Humanitarian Knowledge
Profsoyuznaya st., 12, Kazan, Russia, 420034
E-mail: olgaah@yandex.ru